

В. П. Овсянников

**КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СИНЕРГЕТИКИ:
ИЛЛЮСТРАЦИЯ МЕТОДА**

В статье показываются возможности метода исследования социокультурных процессов на основе синергетического подхода, который расширяет объяснительный потенциал культурологии. Предложенный метод иллюстрируется примерами, позволяющими выявить сущность такого культурного явления, как праздники.

V. Ovsyannikov

**CULTUROLOGICAL EXAMINATION BY MEANS OF SYNERGETICS:
ILLUSTRATION OF THE METHOD**

The article shows the possibilities of social and cultural examination on the synergetic base, which expands the explanatory potential of culturology. The suggested method is illustrated by examples that make it possible to reveal the substance of such cultural phenomenon as holidays.

Современные исследования социокультурных процессов нередко приводят к выводам о вариативности общественного развития. Иначе говоря, общество реально могло пойти по иному пути, отличному от фактически осуществленного. Но существующие подходы к пониманию этих процессов, видимо, исчерпали себя и не позволяют полностью объяснить механизмы саморазвития истории. М. Вебер еще в начале прошлого столетия констатировал, что настало время и в гуманитарной сфере создавать сложные виды исследовательского инструментария. В этом автор полностью солидарен с ним — культурология остро нуждается в разработке новых объяснительных концепций и теорий такого рода. Более того, стремительно нарастающий объем знаний, накопленных человечеством, требует его критического переосмысления — наступило время интерпретаций.

Для этой цели, по нашему мнению, целесообразно использовать синергетический подход как общую ориентацию на выяснение сущности социокультурных явлений. Использование этого подхода в каче-

стве основного несколько не умаляет значения, а скорее увеличивает объяснительные возможности других методов и методик, которые можно включать в контекст синергетического подхода.

Постараемся применить этот метод культурологических исследований для выяснения сущности некоторых культурных явлений, в частности праздников, выполняемой ими роли в человеческом обиходе и в целостном культурном универсуме.

Праздники возникли в глубокой древности и в каждой социокультурной эпохе различались как по своему содержанию, направленности, так и по формам проведения. К настоящему времени в нашей стране сложилась следующая иерархия праздников: государственные, религиозные, профессиональные и международные (семейные праздники намеренно оставляются за скобками). Однако действительно народными являются немногие. Чтобы ответить на вопрос: почему в русской культуре это именно так, необходимо знать, зачем люди отмечают определенные события и даты, какие потребности они при этом удовлетворяют.

Цели общества – это моральное здоровье, гармония, порядок. Мораль или религия, с этой точки зрения, ценны тем, что способствуют поддержанию устойчивости социальной системы. Чтобы реализовать общественные цели, люди должны быть солидарны друг с другом, адаптированы к обществу, способны выполнять свои роли в социальной системе. Общие идеи духовно сплачивают людей.

В этом случае, несомненно, большую роль в объединении людей играли праздники. В древности не имело значения, что думает человек, но было важно, чтобы он поступал так, как предписывается общественными нормами. Естественно, что каждый человек мыслил в соответствии с уровнем своего развития, и не все одинаково осознавали потребности общества [1, с. 131]. Но праздники, их символизм, установки фактически обеспечивали взаимодействие и реальное выполнение обязанностей.

Главная задача любого праздника – создание и поддержание некоторого совместного ритма. Благодаря праздникам люди способны выйти из-под власти слепых стихий и бессознательных природных ритмов. Всякий ритм порождает противоположности, но, с другой стороны, примирение противоположностей возможно только благодаря ритму, который лишает их самостоятельности и превращает в моменты некоторого целого.

Ритм и праздник в качестве узловых моментов времени образуют основу календаря. Если досуг – некоторое необязательное добавление к будням, то праздник – основа существования культуры вообще и прежде всего самой повседневности. Календарные ритмы бросают вызов природным ритмам, хотя и могут использовать их в качестве основы. Такое использование всегда означает переосмысление и наполнение новым содержанием.

Языческие представления о времени и соответственно праздники носили циклический характер. Они в основном связы-

вались со сменой времен года. Духовная ориентация культуры на будущее возникла с победой христианства, а первой в духовной общности стали приходы. В них активно формировались исторические чувства и историческое сознание. Люди увидели идеал человека в образе И. Христа и стали верить, что, радостно встречая даты церковного календаря (празднуя), они наполняют божественным смыслом свою жизнь.

Поэтому речь должна идти не о празднике вообще, а о системе праздников. Прежде всего выделяют некоторый главный праздник, которому присуща наибольшая сакральная сила, а затем праздники, соотнесенные с различными временными циклами, минимальными из которых являются сутки. Собственно праздник моделирует новое творение, новый хронотоп. По мнению этнографов, праздники являлись теми «пусковыми» событиями, которые придавали смысл движению времени и приводили в действие всю систему хозяйственно-культурных связей.

Культура создавалась по крупицам, веками, усилиями многих народов. Впервые она была осмыслена и отражена в мифах. Каждым поколением миф творится вновь и вновь, а своеобразной фиксацией этого являются религиозные праздники. Современные исследования показывают, что религиозный культ, включающий и праздники, существует в любом, даже самом примитивном обществе. Пока человек жил преимущественно «естественной жизнью», он был слит с природой и со своей культурой, а обычаи, верования, привычные общественные формы казались единственно возможными и верными. Р. Маретт, изучая эти процессы, сформулировал важный тезис: в религии первичной является не идейная сторона, не верования и мифы, а действие, ритуал. По его мнению, не миф порождает ритуал, а из ритуала рождается миф. Проторелигия, по Маретту, не столько «выдумывается», сколько «выплывающаяся» [2, с. 80].

Г. Шурц в своих рассуждениях пошел еще дальше. Он обратил внимание на то, что в общественной жизни «отсталых» народов важна не только семья, но и однополые отношения, устанавливаемые добровольно, ради достижения каких-либо практических и духовных целей. Причем интерес к общественной, публичной жизни у мужчин выражен сильнее, чем у женщин. В первобытном обществе люди искали общение среди сверстников. На этой основе возникали возрастные союзы молодых мужчин. В «мужских домах» мужчины спали, работали, проводили праздники и посвящения. Именно из мужской дружбы, как считает Шурц, возникли первые ростки государственности и экономической организации [2, с. 85; 3]. Таким образом, истоки многих современных праздников надо искать в «мужских домах» первобытных обществ, где, видимо, формировалась «функциональность» культурных явлений, их способность поддерживать в людях веру, оптимизм и добропорядочность.

Интересны взгляды З. Фрейда на эту проблему. Он считал, что «каждый шаг культуры вперед куплен ценой счастья», так как нормы культуры, обеспечивающие согласие между людьми, вместе с тем вытесняют, ограничивают инстинктивные желания, отчего каждый человек чувствует себя «врагом культуры» [4, с. 43–52]. Противоположной нормативной функцией в этом случае является функция «психической разрядки», которая нередко реализуется через праздник. Культура, безусловно, не может отказаться от нормирования, регламентации поведения. Но нормы культуры должны давать максимальный простор личности, родовым потребностям человека, обеспечивая продуктивное, разумное, ответственное их удовлетворение [5, с. 179–180]. С этими выводами Э. Фромма нельзя не согласиться.

Культура создает организованные и относительно безопасные способы разрядки, не нарушающие социальной стабильности.

Специфически культурные, закрепленные традицией формы разрядки, как мы уже отметили, – это праздники и ритуалы. В праздничные дни люди не работают, не соблюдают будничных норм жизни, устраивают шествия, пиры, карнавалы. Смысл праздника состоит в торжественном коллективном обновлении жизни [6]. В древности не имело значения, как людьми понимаются те или иные обряды, церемонии и символы, а было важно, являются ли они функциональными, отвечают ли какой-либо потребности общества. Сегодня праздник представляет собой торжественное событие, которое может иметь общественный или семейный характер, обычно связанный с значимыми событиями и датами, проводящийся в свободное от работы время [7, с. 222].

Итак, праздник противопоставлен будням (повседневности) и характеризуется радостью и торжеством. Он выделяется в потоке времени в память или в честь кого или чего-либо, обладает сущностной связью со сферой сакрального.

С победой христианства стала четко проявляться цель праздника – не только как достижение определенного оптимального душевного состояния участвующих в нем людей, но и как восстановление определенного среднего уровня этого состояния, сниженного различными ситуациями, которые квалифицируются как отрицательные. Противопоставление праздника повседневности довольно точно повторяло противопоставление сакрального профанному.

Причем, в ходе истории нередко проявляются результаты давно случившихся событий, которые современникам не казались важными, но с течением времени стали ключевыми [8]. Поэтому можно предположить, что и праздники являются результатом долгих, сложных, но всегда объяснимых трансформаций.

В Новое время секуляризация культуры, наряду с другими изменениями, привела к расцвету светского искусства и освобожде-

нию чувств человека (эстетических и любовных) от опеки христианской морали. Переход от одного типа общества к другому связан с особым состоянием общества, которое Дюркгейм назвал «аномией». В этот период происходит «аномизация» общества, личность теряет духовные ориентиры, а критерии добра и зла как бы стираются. Состояние аномии в то время сопровождалось кризисом веры [9]. Тогда то и появились светские праздники, хотя в качестве их прообраза все еще оставалось соотнесение с сакральной сферой. В основе праздника лежал некий прецедент, который мог подвергаться или не подвергаться сакрализации.

Общество и сегодня нуждается в регуляции поведения больших человеческих масс. Разумеется, не на все случаи жизни существуют соответствующие морально-нравственные нормы, но все же важнейшие и универсальные из них в большинстве случаев правильны и должны исполняться. Соблюдение норм поддерживает целостность сознания и является критерием зрелости и ответственности человека, а их нарушение вызывает чувство вины, раскаяния. Поэтому государственные праздники, по мнению автора, должны поддерживать моральные нормы, сложившиеся в обществе, а соотношение их с сакральной сферой может быть только одно — они находятся в «битве добра и зла» на стороне добра.

Всякий праздник так или иначе соотносен со временем и, более того, участвует в конституировании самого феномена времени. Праздник играет важную роль и в конституировании совместного пространства, поскольку пространство культуры, как и ее время, не дано, а создается усилиями особого рода. Характерной чертой любого праздника является его незанятость, «пустота» в смысле отсутствия дел. Вместе с тем эти незанятость и пустота осмысливаются как разрывы во времени, и в празднике времени просто нет, поскольку оно и создается праздником. Точно так же в праз-

днике творится пространство. Такое единое для данной общности пространство-время, однажды созданное, подвержено закону культурной энтропии и требует возобновления создавших его усилий. Этим объясняется значение прецедента для формирования подлинного праздника. Поэтому праздник не может быть создан искусственно.

В своем историческом развитии общественная организация наций и народов претерпевает различные изменения, в том числе и радикальные. Также радикально в этот период меняется государственная система праздников. Это носит закономерный характер, так как новая система ценностей требует иных акцентов в праздничном календаре. Как правило, функциональные элементы культуры имеют символический характер. В рассматриваемом процессе символы особенно нужны, так как многие важные для общества цели и нормы не имеют большой силы для индивидуального сознания. Но символы, святыни в критические моменты позволяют поддерживать «стратегические» цели и интересы и в повседневном поведении, придавая им социально значимые мотивы [1, с. 137–138].

Разберем эту ситуацию на примере ноябрьских государственных праздников. Первоначально в советское время это был государственный праздник Великой Октябрьской социалистической революции, затем в постсоветское время он постепенно превратился в День народного единства. Зададим вопрос: равновелики ли события 1612 г. и 1917 г. для нашего народа? Для анализа будет использован синергетический подход. Не вдаваясь в подробности, можно отметить, что смены формации и цивилизации в 1612 г. не произошло, это случилось в 1917 г. Синергетический подход дает более широкие возможности для анализа российской истории. Нет сомнения в том, что обе эти даты связаны с системными кризисами русской культуры. В этом состоянии системы как бы «колеблются» перед

выбором одного из нескольких путей эволюции. Кризисы в истории не являются случайным эпизодом. Сущность кризиса — переоценка и перекомпоновка слагаемых духовно-смыслового ядра культуры («алгоритма выживания»). Он может привести к краху сообщества и его культуры в ее прежнем облике. Но кризис нередко сопряжен с самопознанием народа, с обнаружением его потенциала, возможностей внутреннего развития. Вот почему, как свидетельствует мировая практика, рождению нового сообщества людей зачастую предшествуют кризисные явления. Очевидно, что кризис работает как точка бифуркации (ветвления), когда происходит пересмотр и отбор новых вариантов выживания сообщества в уже изменившейся социально-политической и природной среде. Тогда наибольшую важность приобретает принцип отбора новых вариантов выживания. Политические ценности, по нашему мнению, могут выступать в роли принципа отбора социального проекта.

В указанных ключевых точках (1612 г. и 1917 г.) российское общество имело практически все возможности по выбору какого-либо варианта организации общества — от монархии до народных советов. Причем, этот выбор осуществлялся при жестком давлении со стороны Запада (интервенции). Согласно теории самоорганизации (самоорганизация общества в этих точках была налицо) в условиях кризиса культуры даже небольшая флуктуация (колебание) может послужить началом эволюции в совершенно новом направлении, которое резко изменит все поведение макросистемы. Однако это произойдет в том случае, если имеется хотя бы еще один дополнительный аттрактор (устойчивое состояние). Видимо, сложные системы, в том числе и сообщества людей, как бы сами стремятся вернуться в то или иное устойчивое состояние. Но выбор, по мнению автора, может быть осуществлен только в том случае, если общество как социальная система достигнет определенного уровня сложности.

Иначе аттрактором будет оставаться предкризисное состояние. В этом случае, после того как кризис будет преодолен, система вернется к прежнему состоянию. Поэтому Смутное время (1598—1618 гг.) можно назвать Сизифовым трудом: российское общество было еще не готово двигаться вперед, а в кризисной ситуации, с большим трудом, только ценой разорения страны и потерей международного авторитета, сумело отстоять суверенитет и независимость.

В отличие от Смутного времени (1598—1618 гг.), в основе которого лежали субъективные обстоятельства, кризис российского общества 1905—1918 гг. был обусловлен объективными причинами. Обществу между этими двумя кризисами культуры, особенно в XIX в., были предложены различные социальные проекты развития России, а политические партии к 1917 г. выработали такие ценности, которые могли выступать «принципом отбора» в точке бифуркации. Не отходя дальше от заявленной темы, можно отметить, что наиболее предпочтительным аттрактором, как показала историческая практика, оказался социалистический вариант развития России.

Безусловно, оба события отечественной истории, рассмотренные в качестве примера, значимы, однако, если посмотреть в самое объективное «зеркало», куда смотрятся все народы — всемирную историю, то там русский 1612 г. практически не отразился, зато события в России 1917 г. приобрели всемирно-историческое значение.

В постиндустриальном обществе из-за высоких темпов развития, а также в силу технизации, бюрократизации и формализации человеческих отношений межпоколенные связи часто рвутся, духовная близость между детьми и родителями не достигается [5, с. 295—298]. Эта тенденция присуща и современной России, что создает угрозу культурной преемственности, увеличивает число незрелых, инфантиль-

ных личностей, спокойно взирающих на любые исторические спекуляции. Без объединяющей ныне живущие поколения идеи, которая объективируется, в том числе и в праздниках, не достигается близость с другими людьми и человек обречен страдать от одиночества.

Необходимо согласиться с тем, что для современного человека время течет в одном направлении: из прошлого в будущее и манипулировать с ним нельзя. Это в первую очередь связано с «энтропийным барьером», который позволяет выразить различие между «полезным» обменом энергией и «диссипированной» энергией, теряемой необратимо. Чтобы придать смысл передаче сигналов (информации), необходим энтропийный барьер. Этот барьер никогда не будет преодолен техническим прогрессом — он бесконечно высок [10].

По этой причине бесперспективны попытки возврата «к истокам» в материальной культуре, экономическом и т. п., так как необратимость и передача сигналов (информации) тесно связаны между собой. Однако в духовной культуре (например, истории, политике) манипулирование со временем возможно. Причем деструктивность такого рода изменений, в том числе и приближающих нас к истинному знанию, очевидна. Так как материальный «мир вчера» мы изменить не можем, но его «объективное» отражение пытаемся скорректировать, тем самым искусственно расшатывая единую культурную систему, получая «ответ» на свои действия «сегодня» и «завтра». Природа обозначила энтропийный барьер для материи, но для духовной среды человечеству придется выработать и поставить ограничения самому.

Каждая историческая эпоха по-своему уникальна и неповторима. Прошлые события, видимо, должны восприниматься людьми как нечто законченное, завершенное и неизменное, по отношению к которому они находятся в позиции «внешних наблюдателей». Иное отношение создает

условия для ввода в историческое знание наших субъективных оценочных суждений, которые, как это не раз происходило в нашей исторической практике, превращают прошлое в театр абсурда, состоящий из жертв и палачей, постоянно сменяющих друг друга.

Судьба других российских государственных праздников имеет несколько иной характер. Например, всеми любимые, 8 марта и 23 февраля из революционного и профессионального выросли до народных праздников. Это произошло благодаря тому, что они стали отражать сакральные, сущностные женские и мужские стороны (женственность и мужественность) бытия. Инстинктивная энергия влечений, по мнению З. Фрейда, вращает колеса цивилизации. Репрессия инстинктов, на которой стоит цивилизация, чревата их ослаблением, увяданием, а значит — уменьшением притока энергии в сферу культуры. Поэтому требуется не репрессия, а разрядка накапливающихся напряжений, для чего культура должна создавать специальные механизмы. Успешными элементами этого в России стали «женский» и «мужской» праздники.

Чем больше стрессов и напряжений, тем большую роль должны играть в культуре механизмы разрядки. Но культура не может быть уподоблена ни механизму, ни организму, в этом автор солидарен с П. Сорокиным [11]. Системообразующими для культуры являются прежде всего значимые, смыслодержущие связи, а общество интегрируется с помощью систем ценностей. Важную роль в фиксации ценностей играют профессиональные праздники. Людей объединяют не индивидуальные потребности, а оценка этих потребностей [11]. Если люди высоко ставят определенные профессиональные ценности, то они сообща трудятся, вместе радуются объединяющим их датам (праздникам). Они создают корпорации, обеспечивая тем самым согласованность индивидуальных ориентации, надежность и предсказуемость поведе-

ния, значимость для индивида социальных отношений. Привычки, обычаи, нормы, однозначное понимание символов — вот все, что нужно для того, чтобы это сообщество могло жить спокойно [1].

В процессе формирования мирового общества возникают такие элементы культуры, которые не имеют национальной специфики. Это требует новых подходов к созданию совместного хронотопа и переосмыслению многих институций культуры. Сотрудничество между народами, процессы культурного синтеза приводят, особенно в сравнительно новых областях культуры (технике, науке, спорте, кино- и телеискусстве) к рождению международных праздников, вбирающих в себя особенности различных народов и наций. А некоторые национальные или профессиональные праздники превращаются в космополитические формы культуры (пример, День космонавтики, вручение престижных премий в области искусства и науки и др.).

Праздник напрямую связан с возможностью свободно мыслить. В отличие от досуга, праздник является необходимым

условием повседневности. Замена праздников произвольно установленными торжествами недопустима. Утрата этого смысла праздника ведет к распаду межчеловеческих связей и дестабилизации общества. Однако будет неправильно истолковывать этот процесс как бы совершающийся «сам по себе», вне связи с практически-созидательной, творческой деятельностью людей. Сейчас уже с полной определенностью можно сказать, что именно убеждения являются основой социальной системы. То, что люди делают сейчас, повлияет на их жизнь в будущем, когда проявятся последствия внесенных ныне изменений.

Таким образом, если законы и большинство подходов имеют объяснительный потенциал, только между точками бифуркации, то синергетический подход обладает более широкими возможностями, объясняя сам процесс возникновения и преодоления кризисных состояний. Кроме того, создание вариативности выбора научного поиска способно повлиять на желательную (с позиций каждого исследователя) траекторию социального развития.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Малиновский Б. Научная теория культуры. — М., 1999.

² Соколов Э. В. Культурология. Очерки теорий культуры. — М.: Интерпракс, 1994.

³ Schurtz H. *Alterklassen und männerbunde*. — Berlin, 1902.

⁴ Фрейд З. Избранное. — М.: Внешторгиздат, 1990.

⁵ Фромм Э. *Иметь или быть?* — М.: Прогресс, 1990.

⁶ Бахтин М. М. *Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса*. — М., 1990.

⁷ Туризм, гостеприимство, сервис: Словарь-справочник / Г. А. Аванесова, Л. П. Воронкова и др.; Под ред. Л. П. Воронковой. — М.: Аспект Пресс, 2002.

⁸ Кондорсе М. *Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума*. — СПб., 1909.

⁹ Дюркгейм Э. *Элементарные формы религиозной жизни*. — М., 1989.

¹⁰ Пригожин И., Стенгерс И. *Порядок из хаоса*. — М.: Прогресс, 1986.

¹¹ Сорокин П. А. *Человек, цивилизация, общество*. — М., 1992.